ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. О. Ключевский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую» – в этом афоризме выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского выразилось его собственное научное кредо. Ключевский был замечательным лектором: чеканность его формулировок, интонационное богатство, лаконичность определений завораживали студентов. Литографии его лекций студенты зачитывали в буквальном смысле до дыр.

«Исторические портреты» В.О.Ключевского – это блестящие характеристики русских князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев, дипломатов, святых, деятелей культуры.

Издание основывается на знаменитом лекционном «Курсе русской истории», который уже более столетия демонстрирует научную глубину и художественную силу, подтверждает свою непреходящую ценность, поражает новизной и актуальностью.

- Василий Осипович Ключевский
  - М.М. Сперанский

Василий Осипович Ключевский

М.М. Сперанский

Граф М. М. Сперанский.
Литография с портрета Дж. Доу

Преобразовательный план. Я передам лишь главные черты его жизни до того времени, когда он стал близок к императору. Сперанский вышел из общественной среды, которой не знали прежние государственные дельцы. Сперанский родился в 1772 г. и был сын сельского священника села Черкутина Владимирской губернии. Первоначальное воспитание он получил в Суздальской духовной семинарии и довершил свое образование в Петербургской главной семинарии, которая при Павле была

преобразована в Духовную академию. Отлично кончив здесь курс, он остался преподавателем академии; преподавал сначала свой любимый предмет – математику, потом красноречие, философию, французский язык и т. д. Все эти разнообразные предметы Сперанский преподавал с большим успехом. Жажда знания заставила его перейти на гражданскую службу. Он думал ехать за границу и довершить свое образование в немецких университетах. Рекомендованный в домашние секретари князю Куракину, Сперанский при его протекции поступил в канцелярию генерал-прокурора, которым тогда и стал этот вельможа. Так в 1797 г. 25-летний магистр богословия преобразился в титулярного советника.

Сперанский принес в русскую неопрятную канцелярию XVIII в. необыкновенно выправленный ум, способный бесконечно работать (48 часов в сутки), и отличное умение говорить и писать. По всему этому, разумеется, он был настоящей находкой для канцелярского мира. Этим подготовилась его необыкновенно быстрая служебная карьера.

Уже при Павле он получил известность в петербургском чиновном мире. По воцарении Александра он был переведен в новообразованный Непременный совет, где в звании статс-секретаря ему поручено было управлять Экспедицией гражданских и духовных дел. Когда были образованы министерства, министр внутренних дел граф Кочубей перезвал его в свою канцелярию с оставлением в прежней должности статс-секретаря при Государственном совете. Все важнейшие проекты законов, изданных с 1802 г., были редактированы Сперанским как управляющим департаментом Министерства внутренних дел. С 1806 г., когда первые сотрудники императора удалялись от него один за другим, Сперанский, за болезнью Кочубея, раз послан был с докладом к императору. Александр, уже знавший ловкого и расторопного статс-секретаря, был изумлен искусством, с каким был составлен и прочитан доклад. С тех пор они сблизились.

Отправляясь на свидание с Наполеоном в Эрфурт (1808), император взял с собой Сперанского для докладов по гражданским делам. В Эрфурте Сперанский, отлично владевший французским языком, сблизился с представителями французской администрации, присмотрелся к ним и многому от них научился. Раз на балу, говорят, император спросил Сперанского, как ему нравятся чужие края в сравнении с отечеством. «Мне кажется, – отвечал Сперанский, – здесь установления, а у нас люди лучше». – «Воротившись домой, – заметил император, – мы с тобой много об этом говорить будем». По возвращении в Россию Сперанский назначен был товарищем министра юстиции и вместе с

императором начал работать над общим планом государственных реформ. Этот план отличается особенностями, которые имеют тесную связь с характером и складом ума его составителя. Впечатлительного, более восприимчивого, чем деятельного, Александра подкупило обаяние этого блестящего ума, твердого, как лед, но и холодного, как лед же.

Сперанский был лучшим, даровитым представителем старого, духовно-академического образования. По характеру этого образования он был идеолог, как тогда говорили, или теоретик, как назвали бы его в настоящее время. Ум его вырос в упорной работе над отвлеченными понятиями и привык с пренебрежением относиться к простым житейским явлениям, или, говоря философским жаргоном, к конкретным, эмпирическим фактам жизни. Философия XVIII в., как известно, породила много таких умов; русская Духовная академия всегда изготовляла их достаточно. Это был Вольтер в православно-богословской оболочке. Но Сперанский имел не только философский, но еще и необыкновенно крепкий ум, каких всегда бывает мало, а в тот философский век было меньше, чем когда-либо. Упорная работа над отвлеченностями сообщила необыкновенную энергию и гибкость мышлению Сперанского; ему легко давались самые трудные и причудливые комбинации идей.

Благодаря такому мышлению Сперанский стал воплощенной системой, но именно это усиленное развитие отвлеченного мышления составляло важный недостаток в его практической деятельности. Продолжительным и упорным трудом Сперанский заготовил себе обширный запас разнообразных знаний и идей. В этом запасе было много роскоши, удовлетворявшей изысканным требованиям умственного комфорта. Было, может быть, даже много лишнего и слишком мало того, что было нужно для низменных нужд человека, понимания действительности (у него больше политических схем, чем идей); в этом он походил на Александра, и на этом они сошлись друг с другом. Но Сперанский отличался от государя тем, что у первого вся умственная роскошь была прибрана и стройно расставлена по местам, как дорогие безделки в уборной опрятной светской женщины. Со времен Ордин-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум; после Сперанского, не знаю, появится ли третий. Это была воплощенная система.

Ворвавшись со своими крепкими неизрасходованными мозговыми нервами в петербургское общество, уставшее от делового безделья, Сперанский взволновал и встревожил его, как струя свежего воздуха, пробравшаяся в закупоренную комнату хворого человека, пропитанную благовонными миазмами. Но в

русский государственный порядок он не внес такого движения, как в окружавшую его петербургскую правительственную среду. Тому причиной был самый склад его ума. Это был один из тех сильных, но заработавшихся умов, которые, без устали все анализируя и абстрагируя, кончают тем, что перестают понимать конкретное. Сперанский и доработался было до этого несчастия. Он был способен к удивительно правильным политическим построениям, но ему туго давалось тогда понимание действительности, т. е. истории.

Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он взглянул на наше отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения. Он и начертал такой план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал. Но когда пришлось осуществлять этот план, ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и наличных средств России. Нет надобности подробно излагать этот неосуществившийся план. По словам Сперанского, «весь разум его плана состоял в том, чтобы посредством законов учредить власть правительства на началах постоянных и тем сообщить действию этой власти более достоинства и истинной силы».

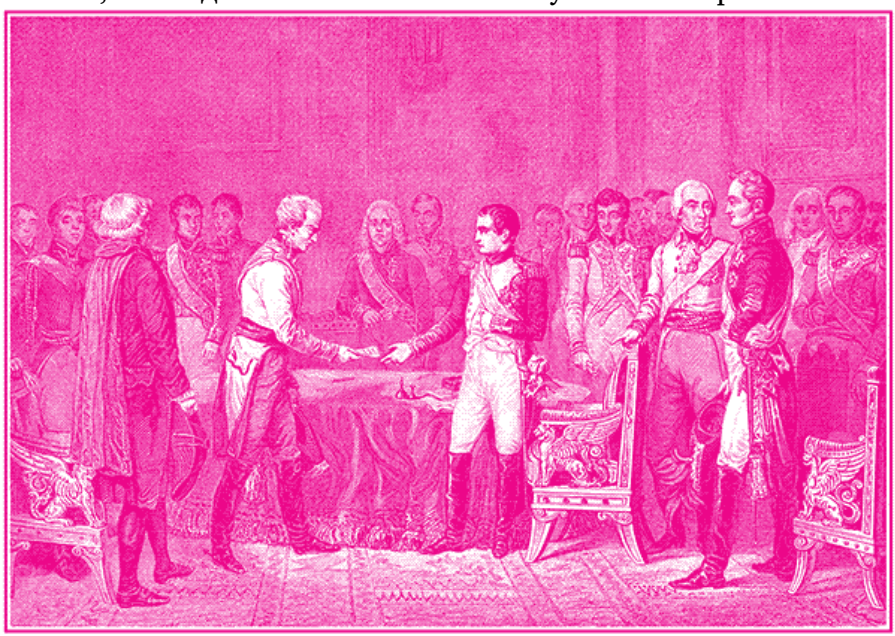
Сперанский заплатил в своем плане щедрую дань политическим идеям XVIII в. о воле народа как истинном источнике власти и т. п. План его излагал основания уравнения русских сословий пред законом и новое устройство управления. Крестьяне получали свободу без земли, управление составлялось из тройного рода учреждений – законодательных, исполнительных и судебных. Все эти учреждения сверху донизу, с сельской волости до вершины управления, имели земский выборный характер. Во главе этого здания стояли три учреждения: законодательное – Государственная дума, состоящая из депутатов всех сословий; исполнительное – министерства, ответственные перед Думой; и судебное – Сенат.

Деятельность этих трех высших учреждений объединялась Государственным советом, состоящим из представителей аристократии, устроенной наподобие английской. Эта аристократия – блюстительница законов по всем отраслям управления и охранительница интересов народа. Вот этот изумительно смелый план, насколько он нам известен. План составлялся с необычайной быстротой: он начат был в конце 1808 г. и начале октября 1809 г. уже лежал на столе императора вполне готовый. Едва ли нужно прибавлять, что этот план не мог

быть осуществлен в полном объеме, ибо нисколько не был рассчитан на наличные политические средства страны. Это была политическая мечта, разом озарившая два лучших ума в России: один светлый, но презиравший действительность, другой теплый, но не понимающий ее. Впрочем, кое-что из этого плана было осуществлено, и я сейчас укажу на эти осуществленные его отрывки.

Устройство центрального управления по плану Сперанского. Осуществленные части преобразовательного плана Сперанского все относятся к центральному управлению, и осуществление их сообщило последнему более стройный вид. Это был второй, более решительный приступ к устройству нового государственного порядка. Приступу этому предпосланы были две частные меры, имевшие внутреннюю связь с готовившимися реформами; они давали последнему дух и направление этой реформы, указывая, какие дельцы требуются для новых правительственных учреждений.

3 апреля 1809 г. издан был указ о придворных званиях. Звания камергера и камер-юнкера не соединялись с определенными и постоянными должностными обязанностями, однако давали важные преимущества. Указом представлялось всем, носившим это звание, но не состоявшим в какой-нибудь службе, военной или гражданской, в двухмесячный срок поступить на такую службу, заявив, по какому ведомству они желают служить; самое звание обращается впредь в простое отличие, не соединенное ни с какими служебными правами.



Эрфуртский конгресс 1808 года (генерал Витсен вручает Наполеону письмо австрийского императора).

С гравюры Монье, сделанной с картины Госса

Указ 6 августа того же года установил порядок производства в гражданские чины коллежского асессора (8-й класс) и статского советника (5-й класс). Эти чины, которыми в значительной степени обусловливалось назначение на должности, приобретались не только заслугой, но и простой выслугой, т. е. установленным сроком службы. Новый указ запретил производить в эти чины служащих, которые не имели свидетельства об окончании курса в одном из русских университетов или не выдержали в университете экзамена по установленной программе, которая и была приложена к указу. По этой программе от желавшего получить чин коллежского асессора или статского советника требовалось знание русского языка и одного из иностранных, знание прав естественного, римского и гражданского, государственной экономии и уголовных законов, основательное знакомство с отечественной историей и элементарные сведения в истории всеобщей, статистике Русского государства, географии, математике и физике.

Оба указа произвели тем больший переполох в придворном обществе и чиновной среде, что были изданы совершенно неожиданно. Они были выработаны и составлены Сперанским тайно от высших правительственных сфер. Указы ясно и твердо выражали требования, каким должны удовлетворять служащие в правительственных учреждениях. Закон требовал исполнителей, «опытом и постепенным прохождением службы приуготовленных, минутными побуждениями не развлекаемых». По выражению указа 3 апреля, – «исполнителей сведущих, обладающих твердым и отечественным образованием», т. е. воспитанных в национальном духе, возвышающихся не выслугой лет, а «действительными заслугами и отличными познаниями», как гласит указ 6 августа.

А. Максимов. **Невский проспект в конце XVIII в.**

Действительно, требовались новые дельцы, чтобы действовать в духе тех начал, какие старались провести в правительственных учреждениях, открытых с 1810 г. Эти учреждения назывались скромным именем «новых образований прежних учреждений», возникших в первые годы царствования. Однако начала и формы, внесенные в управление этими «новыми образованиями», были так новы для России, что преобразование сообщило правительственным местам характер новых учреждений. 1 января 1810 г. открыт был преобразованный Государственный совет.

Это учреждение в основаниях своих действует доселе по плану Сперанского, настолько своеобразному, что он заслуживает внимания даже в коротком обзоре царствования. Значение его в системе управления выражено в манифесте 1 января определением, что в нем «все части управления в их главном отношении к законодательству сообразуются и чрез него восходят к верховной власти». Это значит, что Государственный совет обсуждает все подробности государственного устройства, насколько они требуют новых законов, и свои соображения представляет на усмотрение верховной власти.

Итак, Государственный совет – не законодательная власть, а только ее орудие, и притом единственное, которое собирает законодательные вопросы по всем частям управления, обсуждает

их и свои заключения возносит на усмотрение верховной власти. Таким образом, устанавливается твердый порядок законодательства. В этом смысле и определяет значение Совета Сперанский в ответе государю о деятельности учреждения за 1810 г., говоря, что Совет «учрежден для того, чтобы власти законодательной, дотоле рассеянной и разбросанной, дать новое начертание постоянства и единообразия». Такое начертание, сообщенное законодательству, тремя обозначенными в законе чертами характеризует новое учреждение: 1) Совет рассматривает новые законы по всем отраслям управления; 2) он один их рассматривает и 3) ни один закон, им рассмотренный, не передается к исполнению без утверждения верховной власти.

Этими чертами указывается двоякое значение Совета – законодательное и объединительное. Он, во-первых, обсуждает возбуждаемые по всем отраслям управления законодательные вопросы; во-вторых, утвержденными верховной властью решениями он объединяет деятельность всех этих отраслей, сообщая им одинаковое направление. Но тому и другому значению поставлены были известные пределы. В законодательных актах следует различать два элемента – законодательную норму, устанавливающую известные отношения в государстве, и законодательный авторитет, сообщающий этим нормам силу закона. Авторитет принадлежит верховной власти, выработка нормы есть дело Совета. Но, не разделяя законодательного авторитета, Совет, так сказать, соприкасается с ним; таким соприкосновением служат мнения Совета – большинства и меньшинства, как и отдельных членов, представляемые на рассмотрение верховной власти. Высказанные разногласия вместе с заключениями, т. е. проектами законов, и принимаются верховной властью во внимание при окончательном решении дела. Потому Совет нельзя назвать простой машиной для изготовления законопроектов в заранее предназначенном смысле: он разрешает законодательные вопросы не по указанной программе, а по собственному разуму «пользуется всею свободою мнений», по выражению закона. Но, с другой стороны, его нельзя назвать законодательным учреждением в смысле западных законодательных собраний. Когда декрет, принятый законодательным представительным собранием, отвергается короной, государство остается без закона до нового возбуждения законодательного вопроса. В России верховная власть, признавши решение Совета неудобным, может предписать ему рассмотреть дело вновь и выработать новое решение, не подсказывая его, а обращая внимание Совета на упущенные им обстоятельства дела. На Западе закон есть политическая сделка двух властей – короны

и законодательного собрания; у нас он есть воля одной верховной власти, но обыкновенно внушаемая Советом, что и выражается в самой формуле высочайше утверждаемых мнений Государственного совета: «внявши мнению Совета», «быть по сему». Но западный порядок законодательства основан на мысли о равенстве двух властей, на желании не дать одной из них перевес над другой; у нас в основании этого порядка положена мысль о средствах и условиях для наиболее правильной и осмотрительной выработки новых законодательных норм. Точно так же и значение Совета, законодательное и объединительное, и руководство всеми частями управления выражается не в надзоре за подробностями управления и исполнением законов, что есть дело Сената, а в соображении общих условий, обеспечивающих правильное исполнение законов. Потому Государственному совету принадлежит разъяснение истинного смысла законов, принятие общих мер к их успешному действию, распределение государственных доходов и расходов, наконец, рассмотрение отчетов всех министерств по управлению вверенными им частями. Все эти особенности делают организацию Государственного совета довольно своеобразным явлением в государственном праве.

Такому значению Совета соответствует и данное ему устройство. В Совете председательствовал сам государь, назначавший и членов Совета, числом которых положено было 35. Совет состоял из общего собрания и четырех департаментов – законодательного, дел военных, дел гражданских, духовных и государственной экономии. Для ведения делопроизводства Совета при нем была учреждена государственная канцелярия с особым отделением для каждого департамента. Дела каждого отдельного управления статс-секретарь докладывал в своем департаменте, а всей канцелярией руководил государственный секретарь, докладывавший дела в общем собрании и представлявший журнал Совета на высочайшее усмотрение. Государственным секретарем был назначен, разумеется, Сперанский, главный организатор учреждения, что при новости дела давало ему значение руководителя всего Совета.

Вслед за Государственным советом преобразованы были по плану Сперанского министерства, учрежденные манифестом 8 сентября 1802 г. Сперанский находил двойной недостаток в этих министерствах: отсутствие точного определения ответственности министров и неправильное распределение дел между министерствами. Они были преобразованы двумя актами – манифестом 12 июля 1810 г. о разделении государственных дел на особые управления и «Общим учреждением министерств» 25

июня 1811 г.

По новому распорядку упразднялось одно из восьми прежних министерств, именно коммерции, дела которого распределялись между министерствами финансов и внутренних дел; зато из ведения последнего выделены были дела о внутренней безопасности, для которых образовалось особое министерство полиции. Кроме того, учреждено было несколько особых ведомств под названием «главных управлений» со значением отдельных министерств: «Главное управление ревизии государственных счетов» (или государственный контроль), «Главное управление духовных дел иностранных исповеданий» и, наконец, еще раньше, в 1809 г., «Главное управление путей сообщения».

Таким образом, отдельных центральных ведомств, между которыми были распределены дела в порядке исполнительном, т. е. административном, явилось всех одиннадцать вместо прежних восьми. В «Общих учреждениях» определены были состав и делопроизводство министерств, пределы власти министерств, их ответственность и другие подробности министерского управления. Оба акта, которыми преобразованы были министерства и особые главные управления, по стройности плана, логической последовательности его развития, своеобразности и точности изложения, доселе признаются образцовыми произведениями нашего законодательства, которыми не без основания гордился сам автор, и административный порядок, им установленный, даже в подробностях доныне продолжает действовать.

Предположено было преобразовать и Сенат. Проект преобразования приготовлен был к началу 1811 г. и в июне внесен в Государственный совет. Этот проект был основан на строгом разделении дел административных и судебных, которые смешивались в прежнем устройстве Сената. Согласно с этим Сенат было предположено преобразовать в два особых учреждения, из которых одно, названное Сенатом Правительствующим и сосредоточивавшее в себе правительственные дела, должно было состоять из министров с их товарищами и начальниками особых (главных) частей управления, это прежний Комитет министров. Другое, под названием Сената судебного, распадалось на четыре местных отделения, которые размещены по четырем главным судебным округам империи: в Петербурге, Москве, Киеве и Казани. Особенностью этого судебного Сената была двойственность его состава: одни члены его назначались от короны, другие выбирались дворянством. В этом особенно блеснула искра тех идей, на которых был построен общий преобразовательный план

Сперанского. Этот проект вызвал резкие возражения в Государственном совете; сильнее всего, разумеется, нападали на право выборов дворянством членов Сената, видя в этом ограничение самодержавной власти. Несмотря на то что при подаче голосов большая часть членов Совета высказалась за проект и государь утвердил мнение большинства, но различные препятствия, внешние и внутренние, помешали осуществлению новой реформы, и сам Сперанский советовал ее отсрочить. Благодаря тому Сенат сохранил прежнее смешение ведомств, внося некоторую нестройность в общий склад центрального управления. Значит, из трех отраслей высшего управления – законодательной, исполнительной и судебной – были преобразованы только две первые; третьей не коснулась реформа. К преобразованию губернского управления не было и приступлено.

По разным причинам, которые имели более биографическое, чем политическое, значение, Сперанский был уволен от должности, едва только начали вводиться преобразованные им учреждения. Он получил отставку в марте 1812 г. и, сверх чаяния, сослан был в Нижний, напутствуемый самой искренней бранью со стороны высшего общества и ожесточенной озлобленностью со стороны народа. Причины ненависти первого легко понять; менее понятен был ропот, поднявшийся против Сперанского в народе. Главной причиной этого недовольства был еще один преобразовательный план, составленный Сперанским. В удивительно разнообразную деятельность этого дельца входило и устройство финансов, которые находились в печальном положении вследствие войн и затруднений торговых, причиненных континентальной системой. По смете 1810 г. всех выпущенных в обращение ассигнаций считалось 577 млн; внешнего долгу – 100 млн. Смета доходов на 1810 г. обещала сумму в 127 млн ассигнациями, смета расходов требовала суммы в 193 млн, итак, дефицит – 66 млн, что составляло более половины всей суммы государственных доходов. Это положение и хотел устранить Сперанский составленным им широким планом финансовых реформ. План этот основан был на двух началах – совершенном прекращении выпуска новых ассигнаций и постепенном изъятии из обращения старых; далее, на возвышении всех налогов, прямых и косвенных. Законами 2 февраля 1810 г. и 11 февраля 1812 г. и возвышены были все налоги – иные удвоены, другие более чем удвоены. Так, цена пуда соли с 40 коп. поднята была до рубля; подушная подать с 1 руб. возвышена была до 3 руб. Любопытно, что в этот план входил и новый, небывалый прежде налог – «подоходный прогрессивный»;

им обложен был доход помещиков с их земель. Низший налог взимался с 500 руб. дохода и составлял 1 % последнего; высший налог падал на имения, дававшие больше 18 тыс. руб. дохода, и составлял 10 % последнего. Возвышение налогов и было главной причиной народного ропота против Сперанского, чем успели воспользоваться его враги из высшего общества.

Дворянский выезд конца XVIII века